

Дмитрий Мамин-Сибиряк

«В худых душах...»

Уральские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

«В худых душах...»

«Public Domain»

1882

Мамин-Сибиряк Д. Н.

«В худых душах...» / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1882 — (Уральские рассказы)

Рассказ был написан в пору тяжелой реакции, наступившей в стране после убийства народниками Александра II. Изображение трагической судьбы талантливых и самоотверженных детей матушки Руфины являлось резким протестом против полицейского бесчинства, гневным осуждением атмосферы тягостной подозрительности, политических доносов, слежки и преследований.

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

«В худых душах...»

I

– Вот тебе и Шерама... – проговорил мой возница, тыкая кнутовищем по направлению блеснувшей из-за пригорка степной речки Уразаевки. – Как на ладонке...

Шерама, село дворов в полтораста, красиво облепило бревенчатыми избами холмистый берег Уразаевки. Издали можно было залюбоваться им. Таких сел в Зауралье попадается очень много. Одно только портило картину: насколько хватал глаз, ковром расстилались все поля и поля, и нигде не было даже клочка леса. А прежде, лет полтораста назад, судя по преданиям, вдоль берегов Уразаевки красовались вековые бора, – и аборигены¹ Шерамы, башкиры, откочевывали на летние тебеневки² далеко, в Ишимскую степь. Даже пней не осталось от этих боров, все выжгли уральские заводчики, им усердно помогали и сами крестьяне. Русский человек ценит лес только тогда, когда его изведет до последнего дерева. Впрочем, шераминские мужики не особенно тужат об исчезнувших лесах, потому что на месте этих лесов теперь зеленеют бесконечные хлебные поля, сенокосы, и только часть остается под пустошами, куда выгоняют скот. История этих исчезнувших в Зауралье лесов живо напоминает историю прежних обитателей этого благословенного края, башкир; последние давно уже вытеснены из лучших мест русским населением. От башкир остались во многих местах только одни названия. Так, речка Уразаевка и село Шерама – несомненно, названия башкирские, хотя в Шераме не найдете ни одного башкира, как и по всему течению Уразаевки. Здесь плотно и крепко осело русское население, и между бывшими башкирскими деревнями рассажались чисто русские села: Шляпово, Новоселы, Полома и так далее.

Но зауральский мужик совсем не того типа, к какому привык глаз в великорусских губерниях. Здесь живет народ «естевой», то есть зажиточный (вероятно, от слова: есть), «народ-богатеи», если сравнить с «Расеей». Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольных местах окреп тот же самый народ, раздобыл. Недаром славятся сибиряки своей смышленостью и промышленным характером. Под боком киргизская степь, Обь с своими притоками; позади стеной подымается Урал – было где поучиться зауральскому мужику уму-разуму.

От деревни Шляповой до Шерамы вез меня какой-то дядя Евмен и всю дорогу весело балагурил на своем облучке. При виде Шерамы даже Евмен пришел в некоторый восторг, потому, вероятно, что она раскинулась, «как на ладонке».

– Важное село, – говорил, любясь, Евмен, когда наша телега начала осторожно спускаться по крутому косоугору прямо к реке. – А вон дом попа Якова... Естевой поп. Тебе к нему?

– Да.

– Ну, ты, ма-ахонькая! – прикрикнул на свою лошадь Евмен, прыгая на облучке; его рубаха из изгребного холста³ надулась парусом, показывая свои кумачные ластовицы. – Попадья Руфина пирогом попотчует, – прибавил Евмен, поворачивая ко мне свое широкое улыбающееся лицо с оскаленными зубами и загорелым румянцем.

– Любите попа Якова? – спросил я.

¹ Абориген – коренной житель.

² Тебеневки – пастбища.

³ Изгребной холст – грубый холст, сотканный из оческов льна.

– Якова-то? Пошто его не любить – любим... Он у нас как мохом оброс. Теперь, надо полагать, на пятый десяток перевалило, как он поступил к нам в Шераму. Нет, ничего, любим Якова... у него десятин сорок, поди, посеяно – да скотины сколько... всякой всячины – дивно! Яков-то все у нас сам доспиеет⁴, своими руками, оттого мы его и любим. Примется пахать, так куды мужику, не угнаться... Могутный из себя, навалится на сабан⁵, так лошадь-то только-только не закричит, едва выворотит полосу-то. Важно пашет... А примется косить или сено метать, или молотить – только успевай глядеть. А вот жать – нет, не может, – с улыбкой прибавил Евмен, поглаживая свою бороду мочального цвета: – брюхо не позволяет... Как нагнется, глядишь – и сел. Ей-богу!.. Да и то сказать, старо место, на седьмой десяток перевалило, где уж за молодыми угнаться...

После короткой паузы Евмен тряхнул своей головой и, поправив шляпу на один бок, проговорил задумчиво:

– А ведь у попа-то Якова ноне не ладно в дому...

– Что так?

– Да так... – коротко ответил Евмен таким тоном, который делал дальнейшие расспросы совершенно излишними.

Мы въезжали в самое село. Широкая улица, обставленная рядами красивых изб, вела прямо к каменной белой церковке, красиво прятанной в густой зелени черемух, лип и берез. Наше появление, конечно, прежде всего обратило на себя внимание деревенских собак, которые с азартным лаем настоящих провинциалов провожали нас до самого дома о. Якова. Я очень люблю этот домик, выстроенный о. Яковом из старинного кондового леса; он так добродушно поглядывает из-под своей порыжелой тесовой крыши узкими окошечками с белыми ставнями, точно вот-вот сейчас хочет улыбнуться. Лет десять не бывал я в этом доме, но он не изменился ни на волос, только как будто глубже врос в землю да плотнее надвинул свою крышу прямо на глаза, как старую разносившуюся шляпу.

– А вот и попадья Руфина!.. – проговорил Евмен, когда наша телега мягко подкатилась по зеленой полянке к воротам, точно по ковро.

У ворот стояла низенькая толстая старушка в полинялом темненьком ситцевом платье и, заслонив черные узкие глаза короткой пухлой ручкой, внимательно всматривалась в меня. Ей было под шестьдесят, хотя на вид она казалась бодрой еще не по летам. Круглое добродушное лицо было покрыто мелкими морщинами; они собрались около глаз и рта лучами, разбегавшимися по всему лицу при каждой улыбке.

⁴ Доспиеет – поспеет. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

⁵ Сабан – род примитивного двухколесного плуга.

II

– Здравствуйте, Руфина Анемподистовна, – здоровался я, слезая с телеги. – Не узнали меня?

– Да где тебя сразу-то узнаешь, – отозвалась добродушно старушка, видимо еще сомневаясь в твердости своей памяти. – Ах, батюшки... да ведь это ты... – встрепенулась старушка, называя меня по имени. – А уж я-то не чаяла тебя и в живых видеть... Никак, лет десять будет, как ты не бывал у нас?

– Около того.

Старушка обняла меня и расцеловала, а потом, схватив за рукав пальто, бойко потащила в «горницу». Пока мы шли от ворот к старому крылечку, она несколько раз оглядывалась на меня, как будто стараясь убедиться в том, что имеет дело не с призраком, а с живым человеком. Конечно, при таком благоприятном случае старушка не преминула всплакнуть и сквозь слезы с каким-то детским всхлипыванием шептала:

– Из себя-то уж ты больно тово... в чем душенька!.. Все, не бойсь, учился? Ох-хо-хо... Учитесь вы до седого волоса, а когда жить-то будете...

– Как отец Яков здоровствует?

– Здоров, ничего... Что ему сделается?..

Дворик у о. Якова был устроен на крестьянскую руку. Службы были заняты «стойками» для скотины, амбарами, сусеками и громадным сеновалом. На задней половине двора помещалось отделение живности; из-за перегородки весело смотрела мохнатая голова годовалого жеребенка; несколько овец лежало в тени амбара, вытянув по земле шеи. Из самой глубины двора выглядывала маленьким окошечком крошечная банька; в ней о. Яков любил отдохнуть летом после обеда часок-другой и «позолотить хлеб-соль», то есть покурить из большой деревянной трубки. Посреди двора стояла тюменская телега, на которой только что приехали с поля; на колесах оставались следы вчерашней грязи, а из кузова лезла во все стороны не успевшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Под навесом у погребка были сложены бороны.

– Милости просим... – говорила матушка Руфина, с легким перевальцем утицей забегая по настланным дощечкам в темные сени; она распахнула дверь в кухню и любовно смотрела на меня своими черными глазками.

Если во дворе было царство о. Якова, то за порогом сеней начинались уже владения матушки Руфины. Я всегда с некоторым благоговением переступал через этот порог; за ним каждая вещь говорила о неустанном, вечном труде. Налево от входных дверей, за косяком, стоял обыкновенно посошок о. Якова; если посошок дома – и хозяин дома, посошка нет – и хозяина нет. Теперь посошок отсутствовал. Направо в углу стояла крашеная деревянная кадка с водой, а потом целый арсенал сундуков, ящиков, ящичков, корбушек, плетенки и тому подобного «хлама», как называл о. Яков весь этот хозяйственный скраб. От самого порога сеней вела в горницу белая, как снег, тропинка из домашнего холста.

Ход в горницы шел через кухню, и другого не полагалось. «Что я, разве губернатор какой, чтобы парадное крыльцо строить, – говаривал поп Яков. – Я, брат, своими руками дом-то строил... Тут не много разгуляешься. Было бы тепло!» Впрочем, незнакомый человек не скоро бы и догадался, что он в кухне. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавеской, посуда была всегда прибрана, и, может быть, только один пузатый самовар, всегда стоявший на залавке, мог навести некоторое сомнение своим присутствием.

– Снимай балахон-от свой, – говорила матушка, помогая мне снять верхнее пальто. – Гость будешь, да еще какой гость-то... Вот уж поп придет, так он как обрадуется...

Прямо из кухни одна дверь вела в горницу самого о. Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегороджена низенькой ширмой пополам. За ширмой стояла широкая

двухспальная кровать. Вторая дверь вела из кухни в горницу матушки Руфины, крошечную комнатку, выходившую одним окошечком на двор. Нужно сказать, что в домике о. Якова всегда стоял совершенно особенный воздух, весь пропитанный каким-то специфическим ароматом. Не то росным ладаном пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью – не разберешь хорошенько.

– А это у вас что за оружие? – спросил я, рассматривая полицейскую шашку, которая висела на ширме вместе с белым кителем.

– Да ведь Прошку-то помнишь? Ну, еще из училища его тогда исключили! Это его мундир... Он у нас урядником служит в Шераме. Как же, чин получил недавно... Теперь где-то в Полому уехал, ловит кого-то.

– Кого?

– Да в Поломе-то попом отец Ксенофонт, а у него сын... Ну, там где-то в Москве обучался. Только это так... он совсем ничего, а это Прошка придумал.

На маленьком столике, который стоял в углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные номера газеты. На одном переплете я прочитал «Das Kapital, von Marx»⁶.

– Это Кинтильяновы книги, – предупредила мой вопрос старушка. – Ты его не помнишь, поди? Нет, где помнить. Он еще в училище тогда учился, когда ты был у нас в последний-то раз.

– Ведь у вас еще два сына?

– Да, как же... Митрей-то Яковлич попом теперь в Зюзиной служит, а Никаша – дохтуром земским. Четверо их у меня.

– А дочь? Ведь у вас была девочка, Аня.

Старушка только махнула рукой.

– Замуж вышла?

– Нет...

– Умерла?

– Хуже... – прошептала со слезами на глазах бедная старушка и, осторожно оглядевшись кругом, таинственно проговорила: – Ужо расскажу тебе вечером, когда уберусь. Да вон и поп с Кинтильяном идут... Обедать сейчас будем.

⁶ Маркс – «Капитал» (немецк.).

III

Поп Яков вошел в это время уже в кухню и, заметив меня, проговорил своим густым баском:

– Да это никак...

Он назвал меня по имени и, заключив в свои могучие объятия, облобызал. Высокого роста, с могучей грудью, поп Яков смотрел настоящим русским богатырем, а благообразная седина придавала его фигуре нечто патриархальное. Когда, мальчуганом, я учил историю ветхозаветных патриархов, поп Яков для меня служил живым и наглядным примером; я отлично представлял себе фигуру библейского патриарха Иакова – стоило только закрыть глаза и припомнить попу Якова. Десять лет, в течение которых я не видал его, почти не изменили его наружности, за исключением разве того, что косматая окладистая борода из седой превратилась в желтую, да на высоком лбу легло несколько глубоких морщин. И костюм на о. Якове оставался тот же, то есть нанковый⁷ синий подрясник с высоким стоячим воротником, каких нынешние модные батюшки уже совсем не носят; из-под подрясника выглядывала ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная тоненьким гарусным пояском чуть не под самыми мышками. Этот поясик мне всегда казался особенно забавным, потому что без подрясника, в одной рубашке, как частенько ходил дома о. Яков, он походил на колоссального ребенка. Старик любил в таком виде работать во дворе или в огороде, а на пашне это было даже ему необходимо, потому что подрясник только заплетал ноги и мешал работать.

Широкое русское лицо попу Якова глядело своими большими серыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень редко распускались в улыбку. И в фигуре, и в движениях, и в выражении лица сказывался человек, который «в поте лица снискивал» свой хлеб. Я всегда любил эту спокойную уверенность попу Якова, его медленную речь, веселую умную улыбку, которою все лицо точно освещалось.

⁷ Нанковый – сделанный из нанки – грубой хлопчатобумажной ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.